

С.В. Корнакова

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРАВИЛ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН СНГ

Приводится сравнительно-правовой анализ регламентации правил оценки доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве стран СНГ, на основании которого сделан обобщающий вывод о наличии некоторых недостатков регламентации оценки доказательств в российском уголовно-процессуальном законе. К таким недостаткам относятся отсутствие определений, раскрывающих содержание употребленных в ч. 1 ст. 88 УПК РФ терминов, и нуждающаяся в изменении формулировка ч. 1 ст. 17 УПК РФ.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; законодательство стран СНГ; доказательственное право; доказательства; признаки доказательств; критерии оценки доказательств.

Вопрос об оценке доказательств, получаемых органами предварительного расследования в процессе доказывания по уголовному делу, является одним из ключевых вопросов в теории доказательственного права. Безусловно, вопрос о том, какими качественно необходимыми признаками должны обладать уголовно-процессуальные доказательства, нельзя отнести к недостаточно исследованным в науке. Для многих теоретиков и практиков не вызывающим сомнения является постулат о том, что только наличие у собираемых в ходе производства по уголовному делу сведений таких необходимых признаков, как относимость, допустимость и достоверность, позволяет использовать их в качестве доказательств, а также о том, что лишь достаточная совокупность имеющих указанные признаки доказательств может стать основанием для вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора. Поэтому целью статьи является не характеристика качественно необходимых признаков уголовно-процессуальных доказательств, а обращение к вопросу о том, является ли достаточно определенной законодательная регламентация правил проверки и оценки доказательств, отраженная в российском уголовно-процессуальном законе. Для ответа на этот вопрос представляет интерес проведение сравнительного анализа норм уголовно-процессуального законодательства стран СНГ, регламентирующих соответствующие процедуры.

Прежде всего, отметим, что требования относимости, допустимости, достоверности и достаточности, предъявляемые к уголовно-процессуальным доказательствам, отражены в каждом кодексе стран СНГ, хотя и с некоторой терминологической разницей, обусловленной, по всей видимости, особенностями семантики и прагматики языковых выражений при адекватности перевода на русский язык.

Так, согласно ч. 1 ст. 145 УПК Азербайджанской Республики [1] (далее – УПК Азербайджана), доказательства должны оцениваться с позиции их «принадлежности, возможности и надежности», а их совокупность, как и в УПК РФ, – с позиции «достаточности». Очевидно, что в приведенном в указанной норме азербайджанского закона перечне необходимых признаков доказательств признаку относимости соответствует признак принадлежности. Эквивалентными

понятиями для понятия «достоверность», согласно справочным источникам, является понятие «надежность», а для понятия «допустимость» – «возможность» (приемлемость) [2. С. 55, 54]. Что касается последнего из приведенных признаков, то и в русском языке допустимым, согласно толковому словарю С.И. Ожегова и Ю.Н. Шведовой, также является что-то возможное, позволительное, разрешенное [3. С. 117].

Между тем, в уголовно-процессуальном законодательстве большинства стран СНГ, в отличие от УПК РФ, указанные критерии оценки доказательств имеют более конкретизированное нормативное выражение, заключающееся в наличии отдельных самостоятельных норм, в которых раскрывается их содержание. Так, согласно ст. 95 УПК Кыргызской Республики [4] (далее – УПК Киргизии), доказательство будет относимым, если оно «представляет собой сведения о фактах, которые подтверждают, опровергают или ставят под сомнение выводы о существовании обстоятельств, имеющих значение для дела» (ч. 3), допустимым – если «получено в соответствии с требованиями» кодекса (ч. 4), достоверным – «если в результате исследования выясняется, что оно соответствует действительности» (ч. 5). Если же «собраны все относящиеся к делу допустимые и достоверные доказательства», их совокупность «признается достаточной для разрешения дела» (ч. 6).

Аналогичные определения содержатся в чч. 2, 3, 5, 6 ст. 104 УПК Республики Беларусь [5] (далее – УПК Беларуси), в чч. 2–5 ст. 88 УПК Республики Таджикистан [6] (далее – УПК Таджикистана), в чч. 3–6 ст. 125 УПК Республики Казахстан [7] (далее – УПК Казахстана) и в ст. 95 УПК Республики Узбекистан [8] (далее – УПК Узбекистана). Некоторые из перечисленных норм обладают достойной для заимствования опыта тщательной детальностью. В частности, подобное прослеживается в развернутом определении понятия «допустимость доказательств», сформулированном законодателем Республики Беларусь. Согласно ч. 3 ст. 105 УПК Беларуси, допустимыми признаются лишь такие доказательства, которые получены ведущим уголовный процесс органом, в том порядке и из тех источников, которые установлены для них кодексом. В отдельной норме (ч. 4) нашло отражение и понятие «недопустимого доказательства», каковым бу-

дет являться доказательство, полученное не только с нарушением правил уголовного процесса, но и с нарушениями конституционных прав и свобод гражданина.

Отметим, что регламентация правил допустимости доказательств в УПК Азербайджана выгодно отличается от регламентации этого критерия в законодательстве всех других стран СНГ. Во-первых, статья, посвященная допустимости доказательств, помимо определения в отдельной норме (ч. 1 ст. 125) самого понятия «допустимость», содержит достаточно содержательную норму, раскрывающую условия недопустимости доказательств (пп. 1–10 ч. 2 ст. 125). Во-вторых, ч. 4 ст. 125 УПК Азербайджана закреплено положение, согласно которому материалы, полученные с нарушениями Кодекса, могут быть использованы в доказывании фактов соответствующего нарушения и виновности допустивших их лиц, что с превентивной точки зрения следует оценить положительно. И в-третьих, УПК Азербайджана – единственный, где на законодательном уровне отражено правило асимметрии допустимости доказательств, исходя из которого «принятие в виде доказательства материала, который вследствие нарушения стороной обвинения требований уголовно-процессуального законодательства может быть признан утратившим доказательственное значение, допускается по ходатайству стороны защиты», что «не препятствует оспариванию его достоверности» (ч. 5 ст. 125). Думается, что подобная регламентация, возможно, демонстрирует более чуткое отношение законодателя данной республики к рекомендациям по совершенствованию законодательства, высказываемым в научных исследованиях, с учетом потребностей практики.

Напротив, в УПК РФ единственный случай попытки дать определение критериям оценки доказательств ограничивается лишь одним из них, но и тот можно оценить критически, поскольку законодатель, не закрепляя в ст. 75 понятия допустимости, идет от обратного и вносит в уголовно-процессуальное законодательство понятие недопустимого доказательства.

Таким образом, российский уголовно-процессуальный закон в этом отношении «проигрывает» кодексам иных стран СНГ, поскольку четкое и однозначное раскрытие содержания употребленных в ч. 1 ст. 88 УПК РФ терминов способствовало бы такому же однозначному их восприятию и четкому разграничению как правоприменителем, так и исследователями, обращающимися к вопросам доказательственного права. Об отсутствии такой однозначности восприятия свидетельствуют встречающиеся на страницах научных изданий высказывания ученых, в которых производится смешение содержания необходимых признаков доказательств. В частности, смешение признаков допустимости и достоверности прослеживается в утверждении С.А. Шейфера, по мнению которого, при применении недостаточно эффективного познавательного приема доказательство может быть признано недопустимым [9. С. 20–21].

Некоторые авторы производят смешение допустимости с относимостью, считая, что свойство допустимости доказательства проявляется в способности со-

держаться в нем информации быть использованной в процессе уголовно-процессуального доказывания в этом качестве [10. С. 125]. Но если относимость – это характеристика доказательства с точки зрения его содержания, то допустимость – с точки зрения процессуальной формы его получения. При этом нарушение процессуальных правил получения доказательства, влекущее его недопустимость, никоим образом не отразится на его содержании – составляющая его информация не перестанет являться относимой к делу. Тем не менее само доказательство будет утрачено, поскольку, чтобы считаться таковым, оно должно соответствовать всем требуемым законом критериям (ч. 1 ст. 88 УПК РФ) – быть и относимым, и допустимым, и достоверным.

Таким образом, в уголовно-процессуальном законодательстве практически всех стран СНГ отражены аналогичные критерии оценки доказательств и их совокупности, чем в определенном отношении подтверждается их необходимость и практическая значимость для обеспечения назначения уголовного судопроизводства. По справедливому мнению М.Ш. Буфетовой, именно в этом заключается цель оценки доказательств [11. С. 141]. С этой позиции критически можно оценить точку зрения некоторых авторов, выделяющих в качестве основных признаков, которыми должно обладать каждое доказательство, только два – относимость и допустимость [12. С. 17; 13. С. 371]. При этом в корне несостоятельным, на наш взгляд, следует признать аргумент (якобы подкрепляющий вывод об ошибочности отнесения достоверности к необходимым свойствам доказательств) о проблематичности истинности любого доказательства до завершения процесса доказывания [12. С. 17].

Действительно, в момент получения доказательства его достоверность зачастую только вероятна, но из этого отнюдь не следует отсутствие необходимости в принятии мер для проверки получаемых посредством него сведений на соответствие действительности. Более того, российский законодатель, закрепляя положение о необходимости производства дополнительных следственных и иных процессуальных действий, в некоторых случаях озабочен именно проверкой достоверности доказательств, отсутствие которой может повлиять на законность итогового судебного решения по уголовному делу (п. 3 ч. 5 ст. 226.7 УПК РФ). Следует подчеркнуть, что ч. 4 ст. 7 УПК РФ предъявляет требование обоснованности к каждому процессуальному решению и на любой стадии процесса. Обоснованность же, в свою очередь, немыслима без проверки сведений, на которых основывается процессуальное решение, на соответствие критерию достоверности. Поэтому представляется недопустимым игнорирование или принижение значения такого признака доказательств, как достоверность, на всем протяжении расследования уголовного дела.

Кроме этого, предложенная законодателем очередность перечисления критериев оценки доказательств (сначала на относимость и допустимость и лишь затем на их достоверность) также может свидетельствовать о естественности первоначальной проблематичности оценки доказательств по признаку

достоверности. Отметим, что такая же очередность перечня критериев оценки доказательств закреплена и во всех иных уголовно-процессуальных кодексах стран СНГ, который завершается критерием достаточности доказательств, применимом на завершающих этапах процесса доказывания. Тем не менее необоснованно только на этом основании исключать из числа необходимых признаков совокупности доказательств их достаточность, оценка которой также может разниться в зависимости от стадии процесса. Более того, в принципе доказательствами в прямом смысле этого слова можно считать лишь те из них, которые, отвечая критериям относимости, достоверности, допустимости, а в совокупности – достаточности, положены в основу судебного решения.

Гораздо более принципиальное отношение к категории «достоверность доказательств» прослеживается в законодательстве ряда других стран СНГ. Так, в УПК Республики Армения [14] (далее – УПК Армении) понятие «достоверное доказательство» отражено законодателем в норме-принципе. В частности, в ст. 18 УПК Армении, закрепляющей принцип презумпции невиновности, подчеркивается, что она может быть опровергнута только «достаточной совокупностью взаимоувязанных достоверных доказательств» (ч. 3). К условиям постановления обвинительного приговора в ст. 365 УПК Армении, среди прочих, относится положение о том, что утвердительные ответы на вопросы, подлежащие разрешению судом при постановлении приговора, должны быть основаны на достоверных доказательствах.

В ч. 5 ст. 88 УПК Таджикистана и в ч. 6 ст. 125 УПК Казахстана, закрепляющих определение достаточности совокупности доказательств, отражено, что таковой она может быть признана лишь в случае, «если собраны относящиеся к делу допустимые доказательства, неоспоримо (а в УПК Казахстана – и «без всякого сомнения») устанавливающие истину обо всех и каждом из обстоятельств, подлежащих доказыванию».

В ч. 6 ст. 105 УПК Беларусь, закрепляющей определение достоверности доказательств, не только отражено, что таковыми являются лишь соответствующие действительности доказательства, но и то, что только они могут быть положены в основу принимаемых органом уголовного преследования или судом процессуальных решений.

Если критериями, служащими основаниями для надления получаемой в процессе расследования уголовного дела информации статусом доказательств, является ее относимость, допустимость и достоверность, то критериями оценки доказательств со стороны уполномоченных лиц уголовного судопроизводства, влияющими на формирование их внутреннего убеждения, являются, согласно ст. 17 УПК РФ, закон и совесть принимающего решение лица. Согласно ст. 71 УПК РСФСР 1960 г., такими критериями являлись закон и социалистическое правосознание. Подобное сочетание критериев оценки доказательств, на наш взгляд, не вполне корректно. Речь здесь идет не об употребленном законодателем признаке правосознания – «социалистическое» (его использование в

нормах закона, исходя из идеологии того времени, вполне объяснимо и закономерно), а о самом сочетании критериев (закон и правосознание), которые являются в некотором отношении тавтологичными. Поясним приведенное утверждение.

Если исходить из того, что существенными признаками сформированного правосознания являются, во-первых, знание закона (а без этого надление статусом властного участника уголовного судопроизводства просто немыслимо) и, во-вторых, наличие установок, личного убеждения лица в необходимости в своей деятельности руководствоваться исключительно требованиями закона, то становится очевидным, что критерий оценки доказательств, по сути, один, и этот критерий – закон. Вместе с тем в законодательстве двух стран СНГ – УПК Таджикистана (ст. 88) и УПК Узбекистана (ст. 95) – в качестве критериев оценки доказательств закреплены и закон, и правосознание.

В законодательстве большинства стран СНГ единственным критерием оценки доказательств является закон. В частности, согласно ч. 2 ст. 22 УПК Киргизии, «судья оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности исследованных в судебном заседании доказательств, руководствуясь при этом законом». Подобным же образом, но без упоминания о внутреннем убеждении субъекта оценки, сформулирована соответствующая норма в УПК Azerbaijan (ст. 33). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в приведенных нормах кодексов Киргизии и Azerbaijan правило оценки доказательств адресовано только суду, а вопрос о том, какими критериями руководствуются лица, осуществляющие уголовное преследование, и прокурор остается открытым, что можно отнести к недостаткам регламентации оценки доказательств уголовно-процессуальным законодательством указанных республик.

В России с принятием в 2001 г. нового уголовно-процессуального закона подверглась существенной корректировке норма, посвященная оценке доказательств по внутреннему убеждению. Во-первых, положительным явлением стало помещение этого правила во вторую главу УПК РФ и признание его тем самым базовой процессуальной ценностью. Во-вторых, категория «социалистическое правосознание» была не только правомерно исключена из критериев оценки доказательств, но и, как уже отмечалось, заменена на категорию «совесть».

Требование к результату свободной оценки доказательств – формированию внутреннего убеждения уполномоченного лица – возведено в ранг принципа и в ряде других стран СНГ (ст. 25 УПК Армении, ст. 19 УПК Беларусь, ст. 22 УПК Киргизии, ст. 25 УПК Республики Молдова [15] (далее – УПК Молдовы)).

В настоящее время УПК РФ – единственный кодекс стран СНГ, где в качестве критерия оценки доказательств закреплён не только закон, но и совесть. Наличием данного критерия оценки доказательств, на наш взгляд, акцентируется внимание не только на правовой, но и на моральной ответственности уполномоченного лица за принимаемые в ходе производ-

ства по уголовному делу решения, что следует отнести к достоинствам формулировки ст. 17 УПК РФ. Но, к сожалению, только этим и исчерпываются достоинства содержания указанной нормы российского закона.

В частности, при конструировании ст. 17 УПК РФ российским законодателем наряду с исключением из содержания нормы, посвященной оценке доказательств в УПК РСФСР (ст. 71), понятия «правосознание» был неоправданно и непродуманно, на наш взгляд, дискредитирован и принцип всесторонности, полноты и объективности рассмотрения обстоятельств дела. В этом отношении прослеживается явная нелогичность российского законодателя, который, с одной стороны, считал ненужным при оценке доказательств руководствоваться требованием всесторонности, полноты и объективности, а с другой – все же озабочен всесторонностью и объективностью предварительного расследования (ч. 2 ст. 154 УПК РФ) и разрешения уголовного дела (ст. 33, 239.1, 325 УПК РФ) и даже наделяет в ч. 6 ст. 340 УПК РФ требование объективности и беспристрастности статусом принципа, что, на наш взгляд, совершенно оправданно. Еще А.М. Бобрищев-Пушкин в качестве аксиом правосудия выделял не только юридическую и нравственную независимость, но и необходимость беспристрастия [16. С. 567]. Кроме этого, все предусмотренные российским уголовно-процессуальным законом основания для отвода властных субъектов уголовно-процессуальных отношений направлены именно на достижение объективности принимаемых ими решений, свободных от искажения субъективной предвзятостью.

В юридической литературе нередко критические высказывания ученых относительно исключения из УПК РФ принципа всесторонности, полноты и объективности [17. С. 21; 18. С. 82]. На наш взгляд, отказ от необходимости следования требованиям этого принципа при исследовании обстоятельств дела также несообразен, как если бы вдруг было предложено отказаться от следования требованиям объективности и всесторонности при проведении претендующего на научность исследования. Заметим, что в самом общем смысле расследование и разрешение уголовного дела представляет собой именно исследование обстоятельств прошлого события, а сам термин «исследование» встречается в уголовно-процессуальном законе более 60 раз. Если же исходить из посылки о том, что одним из основных требований принципа объективности является обоснованность, которая, как известно, является обязательной чертой результата уголовно-процессуального доказывания, то тем более необъяснимо решение законодателя отказаться при совер-

шенствовании уголовно-процессуального законодательства от включения в гл. 2 УПК РФ принципа, содержащегося в ст. 20 УПК РСФСР.

Между тем, в отличие от УПК РФ, в уголовно-процессуальном законодательстве Азербайджана (ст. 28), Казахстана (ст. 24), Таджикистана (ст. 21) и Туркменистана (ст. 23) [19] требование всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела закреплено в нормах-принципах. В ряде стран СНГ данное требование, хотя и не нашло закрепления в качестве принципа, тем не менее, отражено в нормах, посвященных правилам оценки доказательств (ст. 19 УПК Беларуси, ст. 101 УПК Молдовы, ст. 95 УПК Узбекистана), а, согласно ч. 2 ст. 95 УПК Киргизии, «рассмотрение доказательств должно быть объективным и достаточным». В этом отношении нам видится явное преимущество уголовно-процессуальных законов указанных республик перед российским законом.

Но дело даже не в том, что посредством исключения из содержания ст. 17 УПК РФ рассматриваемого требования было неоправданно принижено его значение, а в том, что наряду с исключением слов «основанному на всестороннем, полном и объективном», содержащихся в ст. 71 УПК РСФСР, при формулировании новой нормы «потерялось» и слово «рассмотрение». В результате чего в настоящее время ст. 17 УПК РФ сформулирована явно некорректно, поскольку, исходя из ее содержания, оценка доказательств осуществляется на основании доказательств, т.е. самих себя. Такое положение трудно признать правильным, поскольку представляется очевидным, что для оценки доказательств необходимо их объективное рассмотрение, исследование. В этой связи полагаем, что ч. 1 ст. 17 УПК РФ нуждается в корректировке и должна иметь следующее содержание:

«1. Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на объективном рассмотрении совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью».

Таким образом, анализ некоторых норм доказательственного права, отраженных в уголовно-процессуальных законах стран СНГ, позволил выявить некоторые недостатки регламентации оценки доказательств в УПК РФ. К таковым следует отнести отсутствие определений, раскрывающих содержание терминов, употребленных в ч. 1 ст. 88 УПК РФ, и не вполне корректную формулировку ч. 1 ст. 17 УПК РФ, нуждающуюся в изменении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (утв. Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 года №907-IQ) (с изм. и доп. по состоянию на 29.11.2019 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30420280
2. Гусейнов Г. Русско-азербайджанский словарь. Баку : АЗФАН, 1941. 381 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Ю.Н. Толковый словарь русского языка. М. : Азъ, 1995. 928 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 года № 20 (с изм. и доп. по сост. на 04.06.2020 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36313326#pos=16;-24
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-3 (с изм. и доп. по сост. на 09.01.2019 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414958
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года (с изм. и доп. по сост. на 02.01.2019 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304

7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (с изм. и доп. по сост. на 25.05.2020 г.). URL: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=31575852
8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (утв. Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2013-XII) (с изм. и доп. по сост. на 14.05.2020 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30421101#pos=6;-245
9. Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. П.А. Лупинская. М. : РИО ВЮЗИ, 1972. 130 с.
10. Гельдибаев М.Х., Вандышев В.В. Уголовный процесс : учебник. М. : ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2012. 719 с.
11. Буфетова М.Ш. Вопросы оценки показаний потерпевшего в российском уголовном процессе // Криминалистические чтения на Байкале – 2015: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Д.А. Степаненко. Иркутск, 2015. С. 140–145.
12. Шейфер С.А. Понятие доказательства как предмет научной дискуссии // Вестник ОмГУ. Серия: Право. 2008. № 1. С. 12–19.
13. Дунаева М.С. Актуальные проблемы использования электронных носителей в доказывании по уголовным делам // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9, № 4–1. С. 369–373.
14. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения (принят 01.07.1998 г.) (с изм. и доп. по сост. на 11.05.2020 г.). URL: https://www.legislationline.org/download/action/download/id/4261/file/Armenia_CPC_am2006_ru.pdf
15. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 года № 122-XV (с изм. и доп. по сост. на 06.02.2019 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30397729
16. Смолькова И.В. Великие и выдающиеся, знаменитые и известные личности об уголовном судопроизводстве. М. : Юрлитинформ, 2012. 688 с.
17. Смолькова И.В. Принципы современного российского уголовного судопроизводства. М. : Юрлитинформ, 2015. 384 с.
18. Зеленская Т.В. Реализация принципа охраны прав и свобод человека и гражданина беспристрастным расследованием уголовных дел // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 4 (26). С. 80–89.
19. Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана от 18 апреля 2009 года (с изм. и доп. по сост. на 30.11.2019 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31344376

Статья представлена научной редакцией «Право» 24 июня 2020 г.

A Comparative Legal Analysis of the Regulation of Rules for Evaluating Evidence in the Criminal Procedure Legislation of the CIS Countries

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 234–239.

DOI: 10.17223/15617793/463/29

Svetlana V. Kornakova, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru

Keywords: criminal proceedings; legislation of CIS countries; evidentiary law; evidence; signs of evidence; criteria for evaluating evidence; proving.

The article discusses the question of whether the legislative regulation of the rules for evaluating evidence reflected in the Russian criminal procedure law is sufficiently defined. For this purpose, a comparative legal analysis of the relevant norms of the criminal procedure laws of the CIS countries is conducted. It is noted that the requirements of relevance, admissibility, reliability and sufficiency of evidence are reflected in each code of the CIS countries. However, in the criminal procedure legislation of most CIS countries, in contrast to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, these requirements for evidence have a more specific normative expression, consisting in the presence of separate independent rules that disclose their content. It is concluded that the Russian criminal procedure law “loses” in this respect since a clear and unambiguous disclosure of the content of the requirements imposed on evidence would contribute to the same unambiguous perception of them and a clear distinction between both law enforcement and researchers who address issues of evidentiary law. Examples of legislative definitions of evidence features contained in the codes of some CIS countries that the Russian legislator could borrow are given. The legislative consolidation of the principle of free evaluation of evidence by inner conviction in the criminal procedure codes of the CIS countries is analyzed, which allowed to critically assess the wording of the relevant rule contained in the RF Code of Criminal Procedure. According to the author, when designing Article 17 of the RF Code of Criminal Procedure, the Russian legislator discredited – crudely and unfairly – the principle of a comprehensive, complete and objective consideration of the circumstances of the case. In addition, there is an obvious inaccuracy of the wording of Part 1 of Article 17 of the RF Code of Criminal Procedure, based on which evidence evaluation is based on evidence, i.e. on itself. It is difficult to recognize this situation as correct since it is obvious that, to be evaluated, evidence must be examined. On the basis of the comparative analysis, a general conclusion has been made about the presence of some shortcomings in the regulation of evidence evaluation in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The shortcomings include the lack of definitions revealing the content of the terms used in Part 1 of Article 88 and the need of changing the wording of Part 1 of Article 17 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

REFERENCES

1. Republic of Azerbaijan. (2019) *The Criminal Procedure Code of the Republic of Azerbaijan (approved by the Law of the Republic of Azerbaijan of July 14, 2000, No. 907-IQ) (as amended and supplemented as of November 29, 2019)*. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30420280. (In Russian).
2. Guseynov, G. (1941) *Russko-azerbaydzhanskiy slovar'* [Russian-Azerbaijani dictionary]. Baku: AzFAN.
3. Ozhegov, S.I. & Shvedova, Yu.N. (1995) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Az'.
4. Kyrgyz Republic. (2020) *The Criminal Procedure Code of the Kyrgyz Republic of February 2, 2017, No. 20 (as amended and supplemented as of June 4, 2020)*. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36313326#pos=16;-24. (In Russian).
5. Republic of Belarus. (2019) *The Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus of July 16, 1999, No. 295-3 (as amended and supplemented as of January 09, 2019)*. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414958. (In Russian).
6. Republic of Tajikistan. (2019) *The Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan of December 3, 2009 (as amended and supplemented as of February 02, 2019)*. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304. (In Russian).
7. Republic of Kazakhstan. (2020) *The Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan of July 4, 2014, No. 231-V (as amended and supplemented as of May 25, 2020)*. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=31575852. (In Russian).
8. Republic of Uzbekistan. (2020) *The Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan (approved by the Law of the Republic of Uzbekistan of September 22, 1994, No. 2013-XII) (as amended and supplemented as of May 14, 2020)*. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30421101#pos=6;-245. (In Russian).

9. Sheyfer, S.A. (1972) *Sushchnost' i sposoby sobiraniya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse* [The essence and methods of collecting evidence in the Soviet criminal procedure]. Moscow: RIO VYuZL.
10. Gel'dibaev, M.Kh. & Vandyshev, V.V. (2012) *Ugolovnyy protsess: uchebnik* [Criminal procedure: textbook]. Moscow: YuNITI-DANA; Zakon i pravo.
11. Bufetova, M.Sh. (2015) [Issues of assessing the testimony of the victim in the Russian criminal procedure]. *Kriminalisticheskie chteniya na Baykale – 2015* [Criminalistic readings at Baikal–2015]. Proceedings of the International Conference. Irkutsk. pp. 140–145. (In Russian).
12. Sheyfer, S.A. (2008) Ponyatie dokazatel'stva kak predmet nauchnoy diskussii [The concept of proof as a subject of scientific discussion]. *Vestnik OmsGU. Seriya: Pravo – Herald of Omsk University. Series: Law*. 1. pp. 12–19.
13. Dunaeva, M.S. (2019) Some issues relating to electronic media in the criminal procedure of evidence. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava – Matters of Russian and International Law*. 9 (4–1). pp. 369–373.
14. Republic of Armenia. (2020) *Code of Criminal Procedure of the Republic of Armenia (adopted on July 01, 1998) (as amended and supplemented as of May 11, 2020)*. [Online] Available from: https://www.legislationline.org/download/action/download/id/4261/file/Armenia_CPC_am2006_ru.pdf. (In Russian).
15. Republic of Moldova. (2019) *Code of Criminal Procedure of the Republic of Moldova of March 14, 2003, No. 122-XV (as amended and supplemented as of February 06, 2019)*. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30397729. (In Russian).
16. Smol'kova, I.V. (2012) *Velikie i vydayushchiesya, znamenitye i izvestnye lichnosti ob ugolovnom sudoproizvodstve* [Great and outstanding, famous and well-known persons on criminal proceedings]. Moscow: Yurlitinform.
17. Smol'kova, I.V. (2015) *Printsipy sovremennogo rossiyskogo ugolovnogo sudoproizvodstva* [Principles of modern Russian criminal proceedings]. Moscow: Yurlitinform.
18. Zelenskaya, T.V. (2019) The Implementation of the Principle of Protecting the Rights and Freedoms of Man and Citizen through an Impartial Investigation of Criminal Cases. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya – Siberian Criminal Process and Criminalistic Readings*. 4 (26). pp. 80–89. (In Russian).
19. Turkmenistan. (2019) *The Criminal Procedure Code of Turkmenistan of April 18, 2009 (as amended and supplemented as of November 30, 2019)*. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31344376. (In Russian).

Received: 24 June 2020